

Итакъ, возлюбленные наши чада о Господѣ, старайтесь всемирно познать истину Христову во всѣхъ ея развѣтлѣніяхъ. Она откроетъ вамъ всѣ пути жизни и направитъ васъ къ тому, что есть единое на потребу, въ чемъ свѣтъ и блаженство въ жизни сей и будущей. Наипаче же насыщайтесь духомъ святой жизни о Господѣ Спасѣ нашемъ.

Ты же, возлюбленный ученикъ и другъ Христовъ, св. Евангелистъ и Богословъ Іоаннъ, моли Христа просвѣтити души наша, належашую мглу языковъ разгнати и даровати всѣмъ о Христѣ велию милость. Аминь.

СВОБОДА СОВѢСТИ, КАКЪ ХРИСТИАНСКАЯ ОСНОВА.

Свобода совѣсти имѣетъ въ христіанствѣ значеніе весьма ограниченное, и даже ничтожное, такъ какъ здѣсь сочетаются понятія не соотвѣтственныя между собою и для христіанства мало пригодныя.

Ибо что такое совѣсть? Совѣсть есть внутреннее душевное чувство, которое, какъ показываетъ и самое слово (на греческомъ, славянскомъ и др. языкахъ), слагается изъ двухъ явленій или элементовъ.

Съ одной стороны совѣсть есть законъ (внутренній), опредѣляющій дѣлать одно, какъ доброе, и не дѣлать другое, какъ злое; а съ другой стороны—совѣсть есть судія, который внутренно судитъ человѣка, не давая ему покоя за совершеніе злого и тѣмъ наказуя его, или радуя за совершеніе добра¹⁾.

¹⁾ Св. Апостоль Павель говоритъ: язычники показываютъ, что дѣло закона у нихъ написано въ сердцахъ: о чемъ свидѣ-

Ни въ первомъ, ни во второмъ проявленіи совѣсти свобода не имѣетъ никакого значенія, ибо понятіе свободы совѣмъ изъ другой области явленій душевной жизни, а именно изъ области воли, которая дѣйствуетъ свободно или несвободно²⁾.

Въ этомъ заключается существенный характеръ и особенность воли, тогда какъ существенный характеръ совѣсти заключается въ ея чистотѣ и порочности, или въ святости и грѣховности, изъ коихъ отъ вторыхъ нужно освобождаться, а первыхъ достигать, такъ какъ въ порочности и грѣховности заключается недостойнство совѣсти, а въ ея чистотѣ и святости, открывается ея совершенство.

Свобода, какъ стремленіе дѣйствовать независимо ни отъ чего и ни отъ кого, неприменима къ совѣсти, какъ закону и судіи, потому что этотъ законъ есть, такъ сказать, ограниченіе ея, противоположеніе ей, стѣсненіе ея³⁾.

Свидѣтельствуетъ совѣсть ихъ и мысли ихъ, то обвиняющія, то оправдывающія (Римл. 2, 15). Здѣсь говорится о совѣсти, какъ законѣ, почему раньше (въ 14 стихѣ) Апостоль сказалъ, что язычники сами-себѣ законъ. Объ оправдывающемъ и карающемъ дѣйствіи совѣсти, какъ судіи—тотъ же Апостоль говоритъ: похвала наша сія есть—свидѣтельство совѣсти нашей (2 Кор. 1, 12). По слову св. Григорія Богослова, „совѣсть есть домашнее и неложное судилище, котораго невозможно избѣжать“. Имѣя въ виду это личное (домашнее) значеніе совѣсти Св. Ап. Павелъ говоритъ: для чего моей свободѣ быть судимой чужою совѣстью? (1 Кор. 10, 29).

²⁾ Поставленная между разсудкомъ и волею, совѣсть слѣдуетъ за первымъ и предшествуетъ второй. Она получаетъ отъ разсудка общія начала и совмѣстно примѣняетъ ихъ къ дѣлу въ области воли“. (См. Нр. Богословіе, изд. мною въ 1894 г. 50 стр.).

³⁾ По характерному выраженію одного миссіонера, между со-

Гдѣ законъ предѣлы эти вательнѣе, тѣ совѣсти одинъ Его нельзя

Можно сдѣлаться свѣтлѣе и свобо-

льдомъ, почему лый ледъ“.

⁴⁾ Совѣсть бесный голосъ, дѣя добра и зла вмѣстѣ съ пра какъ закона и ности и непогр Эти преувелич нія о природѣ тѣмъ лучше, ч натуральности.

Руссо. И одна современное ли изъ него же т чловѣкобогами но чрезъ совѣ именно изъ по грѣшимости со изъ либеральн всѣхъ со врем вѣсть. По сло всѣ дни (Выт сти ко злу (Н 2, 1), имѣя

Гдѣ законъ—тамъ свободѣ положены предѣлы. И предѣлы эти тѣмъ сильнѣе и непреоборимѣе, чѣмъ основательнѣе, тверже и несокрушимѣе законъ.—А законъ совѣсти одинъ изъ самыхъ несокрушимыхъ законовъ. Его нельзя ни заглушить, ни вытравить ничѣмъ⁴⁾.

Можно на время отрѣшиться отъ закона совѣсти, сдѣлаться свободнымъ отъ совѣсти, но она, будучи на вѣстію и свободу такое же отношеніе, какое между тепломъ и льдомъ, почему сказать „свободная совѣсть“ то же, что „теплый ледъ“.

⁴⁾ Совѣсть, говоритъ Ж. Ж. Руссо, „это безсмертный и небесный голосъ, вѣрный путеводитель (?) и непогрѣшимый (?) судія добра и зла, который уподобляетъ человека Богу“. Здѣсь вмѣстѣ съ правдой о врожденной и неискоренимой силѣ совѣсти, какъ закона и суди, введены преувеличенныя понятія о ея вѣрности и непогрѣшимости, а равно и о уподобленіи чрезъ нее Богу. Эти преувеличенія вышли изъ неправильнаго общаго представленія о природѣ человѣка вообще, которая, по замѣчанію Руссо, тѣмъ лучше, чѣмъ она ближе къ первобытной и не просвѣщенной натуральности. Его Эмиль—вотъ химера натурального человѣка Руссо. И однако, можно думать, что этотъ натурализмъ породилъ современное либеральное представленіе о свободѣ совѣсти и что изъ него же произошло и стремленіе быть сверхъчеловѣками и человѣкобогами, которыми по Ж. Ж. Руссо дѣлаются люди именно чрезъ совѣсть. Но здѣсь должно поставить вопросъ: у кого же именно изъ послѣдователей Руссо была и есть вѣрная до непогрѣшимости совѣсть? Отвѣтъ: такой совѣсти не было ни у кого изъ либеральныхъ мыслителей и быть не можетъ, ибо природа всѣхъ со времени грѣхопаденія извратилась и въ томъ числѣ совѣсть. По слову писанія, всѣ прилежно помышляли на злое во всѣ дни (Вит. 6, 5), сдѣлались какъ бы рабами своей склонности ко злу (Римл. 7, 6—8) и даже нравственно мертвыми (Еф. 2, 1), имѣя совѣсть какъ бы сожженою (1 Тим. 4, 2).

время подавлена, вскорѣ явится вновь и заговорить тѣмъ съ болшею силою, чѣмъ съ болшею силою она была подавлена. Вотъ почему безсмертный А. С. Пушкинъ совершенно вѣрно сказалъ о совѣсти „Братьевъ разбойниковъ“:

Въ ихъ сердцѣ дремлетъ совѣсть: она
Она проснется въ черный день.

Здѣсь выступаетъ совѣсть какъ судія, который тоже не можетъ потворствовать свободѣ, а напротивъ тоже долженъ стѣснять свободу совѣсти, чтобы не дать развиться явленіямъ, противнымъ ей.

(Разсуждая логично, можно говорить не о свободѣ совѣсти, а объ освобожденіи отъ совѣсти, что и дѣлаютъ разнаго рода преступники, стараясь тщетно заглушить совѣсть и всячески освободиться отъ нея.

Но не одни разбойники желаютъ освободиться отъ узъ закона совѣсти и ея судилища.

Совѣсть нежеланна многимъ философамъ, а также и практическимъ дѣателямъ, религіознымъ реформаторамъ и сектантамъ, изъ которыхъ первые, вмѣсто присущаго каждому закону совѣсти и ея судилища, хотятъ поставить свои умствованія, другіе свою свободную—неограниченную ничѣмъ волю, а третьи свои видѣнія и чувствованія, не столько дѣйствительныя, сколько мнимыя. Всѣхъ ихъ стѣсняетъ законъ совѣсти и ея судилище и потому они охотно могутъ говорить о свободѣ отъ совѣсти. И вотъ у философовъ получается различное отрицаніе закона, беззаконіе (антиномизмъ)⁵⁾.

⁵⁾ Антиномизмъ бываетъ весьма различный. Попраніе закона во имя своей личности, которой будто бы не касаются тѣ или другіе законы и правила, составляетъ антиномизмъ индивидуальный. Это антиномизмъ выдающихся людей, которые не признаютъ для себя общественныхъ законовъ, какъ высшихъ умовъ, съ ко-

у практическимъ (анархизмъ) самый опасный ствующаго принциповъ основаніи

торыми однако
торыхъ поговор
ибо крайности
временныхъ по
боуміемъ выра
Однако, насиліе
шается какъ д
антиномизмъ по
которомъ утвер
мысли. Есть а
стію находить
верженіемъ всѣ
ствомъ правите
6) Автоном
свой законъ. И
во имя вышнихъ
преимуществен
вить иные авт
редъ еще не н
почвѣ религіоз
точку, въ особ
тить. Еще дре
себя однихъ л
(раціоналистами
зательными ни
все. Съ такимъ
паютъ и много
нымъ себѣ все

у практических дѣятелей отрицаніе высшихъ властей (анархизмъ), а у сектантовъ своезаконіе (автономизмъ), самый опасный, самый ужасный разрушитель существующаго порядка, во всѣхъ его началахъ, какъ общихъ основныхъ, такъ и частныхъ, и даже мелочныхъ⁶⁾, торыми однако сходятся и люди недостаточныхъ умовъ, про которыхъ поговорка говоритъ, что для дураковъ законъ не писанъ, ибо крайности сходятся нерѣдко до того, что, по заключенію современныхъ психіатровъ, гдѣ граница между гениальностію и слабоуміемъ выраждающихся мнимыхъ гениевъ, — это неопредѣлимо. Однако, насиліе выдающихся умовъ надъ совѣстію слабыхъ совершается какъ дѣло обычное, съ безопазднымъ попраіемъ. Есть антиномизмъ политической „дипломатической“ (Маккіавели), при которомъ утверждаютъ, что языкъ данъ для того, чтобы скрывать мысли. Есть антиномизмъ социалистической, который большею частію находитъ свое полное выраженіе въ анархизмъ, съ ниспроверженіемъ всѣхъ троновъ, и престоловъ, а также и съ убійствомъ правителей и вообще представителей власти. ^{онком ох} ^{оп 6)} Автономизмъ, въ противоположность антиномизму, ставитъ свой законъ. И такъ какъ всего прочіе ставятъ новые законы во имя высшихъ началъ, то по сему автономизмъ и является преимущественно религіозный, хотя были и есть попытки поставить иные автономизмы, напр., научный, которому, говорятъ, очередь еще не настала, ибо наука еще не выросла, тогда какъ на почвѣ религіозной можно сразу же стать на мнимо высочайшую точку, въ особенности когда, какъ говорятъ хлысты, духъ накатитъ. Еще древніе еретики гностики (интеллигенты) считали только себя однихъ людьми знающими все, людьми чистаго духа и разума (раціоналистами). Посему одни изъ нихъ считали для себя обязательными никакія внѣшнія предписанія, а другіе позволяли себѣ все. Съ такими же требованіями широкихъ преимуществъ выступаютъ и многіе современные сектанты, которые считаютъ позволительнымъ себѣ все и въ томъ числѣ пренебреженіе всеми условіями

Разительный примѣръ этого бурнаго примѣненія сектантскаго автономизма представляетъ ужасный разгромъ Толстовцами церкви-школы въ селѣ Павловкѣ, Харьковской губерніи, гдѣ горсть изувѣровъ разгромила церковь-школу, причѣмъ нѣсколько человѣкъ вскочили на престоль, попирая его прискакиваніями съ произношеніемъ разныхъ ругательныхъ словъ относительно всѣхъ святынь церкви, а другіе въ то же время разбивали иконы, рвали священныя ризы. — Вотъ полнота разнужданной свободы совѣсти, во всемъ ея ужасѣ!

Нѣтъ, нѣтъ, не свободы отъ совѣсти должно искать людямъ благомыслящимъ и не о свободѣ совѣсти должно говорить людямъ стремящимся ко благу Россіи и твердому стоянію Православной Церкви и живому дѣйствию ея въ средѣ своихъ членовъ и среди заблуждающихся, а объ исправленіи людской совѣсти, объ ея упорядоченіи, просвѣтленіи и исправленіи, ибо рѣдко, очень рѣдко, можно встрѣтить совѣсть добрую, а совѣсти потемненныя, порочныя и даже сожженныя встрѣчаются постоянно. Не свободу дать этимъ испорченнымъ совѣстямъ должно, но подчинить ихъ высшимъ основамъ и правиламъ, болѣе опредѣленнымъ и болѣе твердымъ. Изъ таковыхъ высшихъ основъ есть прежде всего откровенный законъ Божій, данный во Христѣ Иисусѣ, и содержимый въ полнотѣ въ церкви Божіей, вѣдущей ихъ полноту и разумѣющей ихъ примѣненіе, какъ къ человѣческаго общежитія (духоборы) и даже ниспроверженіе всѣхъ существующихъ порядковъ и законовъ, на которыхъ основываются эти порядки, особенно же тѣхъ, которые неблагопріятствуютъ развитію ихъ еретическихъ изувѣрствъ, нерѣдко направленныхъ ко вреду семейной жизни и чистоты нравовъ (у хлыстовъ) и даже внѣшняго здоровья и силы (у скопцовъ), что въ совокупности должно повести ко всеобщему разложенію и вырожденію.

отдѣльнымъ ихъ жизненнымъ общественнымъ

Язычницъ ко водству со отъ грѣха, в ибо она изр нію сихъ за безысходный самоубійства если бы мір били бы ее,

Но вот новыя основ ство. Онъ о рогай для н свободу онъ основами жи болѣе надеж Аще Сынъ Іоан. 8, 32, (Іоан. 14, 6)

А высш духъ жизни и свобода, го Въ свободѣ вой, а возвр ній міръ, ос плотскій, су ствомъ, какт

Совѣсть доброю (Дѣл

отдѣльнымъ явленіямъ жизни человѣческой, такъ и къ ихъ жизненнымъ соотношеніямъ—семейнымъ, взаимнымъ, общественнымъ и государственнымъ.

Язычники изжили свою многовѣковую жизнь по руководству совѣсти и не получили ея свободы, свободы отъ грѣха, не достигли совершенства жизни по совѣсти, ибо она изрекала законы и судила, а силъ къ исполненію сихъ законовъ не давала. И осуждая, повергала въ безысходный мракъ отчаянія, доведившій многихъ до самоубійства. И иные по совѣсти своей говорили, что если бы міръ людской имѣлъ одну голову,—то они срубили бы ее, чтобы одиноко царить надъ всею...

Но вотъ явился Спаситель человечества и указалъ новыя основы жизни, и ожило, возродилось человечество. Онъ откликнулся и на стремленіе людей къ дорогой для нихъ независимости, къ свободѣ. Только свободу онъ соединилъ не съ совѣстію, а съ другими основами жизни, болѣе вѣрными, болѣе опредѣленными, болѣе надежными. Онъ сказалъ: *истина свободитъ вы*.— Аще Сынъ вы свободитъ, воистину свободни будете (Іоан. 8, 32, 36), ибо Онъ есть путь, истина и жизнь (Іоан. 14, 6).

А высшее состояніе свободы есть пребываніе въ духѣ жизни по Христу, ибо *гдѣ Духъ Господень, тамъ и свобода*, говоритъ св. Апостоль Павелъ (2 Кор. 10, 29). Въ свободѣ же совѣсти нѣтъ ни истины, ни жизни правой, а возвращеніе ко всему тому, что пережилъ древній міръ, особенно греко-римскій языческій міръ, міръ плотскій, суетный и погибельный, смѣненный христіанствомъ, какъ духомъ жизни наивысшей, спасительной.

Совѣсть, очищенная Духомъ Святымъ, можетъ быть доброю (Дѣян. 23, 1) и непорочною (1 Тим. 3, 9).

Но правую свидетельницу об истинѣ она можетъ быть только въ Духѣ Святомъ (Римл. 9, 1), безъ котораго она всегда будетъ порочною (Евр. 10, 22), оскверненною и даже сожженною (1 Тим. 1, 15, 4, 2), а слѣдовательно, ненадежною и даже опасною, разрушительною, если дать ей полный просторъ, или то, что либеральные мыслители называютъ свободою совѣсти, которая можетъ быть хуже всякой неволи, въ особенности же христіанской, заключающейся въ преданности Христу и всему тому, что Онъ установилъ для руководства людей съ немощною совѣстію, какъ напр. Церковь, пастырей, начальниковъ, судей, учителей, которые пребудутъ во вѣки, пока не придетъ небесная свобода славы чадъ Божіихъ (Римл. 8, 21). Тогда, въ жизни будущаго вѣка, будетъ всяческая свобода. А въ чемъ законъ свободы (Іак. 1, 25) или, иначе говоря, — истинная христіанская свобода можетъ выражаться теперь, о семъ мы надѣмся побесѣдовать въ другое благопріятное время.

Е. НИКАНОРЪ.

Слово въ день празднованія XIV годовщины Орловскаго Православнаго Петропавловскаго Братства.

(18 недѣля по 50-цѣ).

Въ нынѣшнемъ недѣльномъ Евангеліи мы слышали повѣствованіе о призваніи къ апостольскому служенію простыхъ рыбарей—Симона, называемаго Петромъ, и Андрея брата его, и двухъ братьевъ—Іакова и Іоанна Зеведеевыхъ. Слыша такое повѣствованіе, мы не могли не примѣтить полнаго самоотверженія, какое показали рыболовы Божественному Наставнику. Іисусу Христу.

Призываемъ навать: для слѣдованія ботами; они занятіе и с Іисусомъ Х апостольств няли обяза что не могл тельности: н дованія со противдѣис нія,—ни уз

Вотъ б каждый изъ званія. Жив званіяхъ и ни состоял силы для о живетъ, раз кій—и худо посвящаютъ щественной. всѣхъ прочи вѣкъ, а изв

Различ зуются не о мудрымъ на имъ мѣстѣ общаго бла Петръ, каж рые строите

*) Толк.